

Философия. История философии

УДК 27-1

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

В.В. Розанов о Д.С. Мережковском и не только: к истории двух разговоров

Анна А. Голубкова

*Российская государственная детская библиотека,
Москва, Россия, anchentaube@gmail.com*

Аннотация. В данной работе рассмотрена статья В.В. Розанова «Представители “нового религиозного сознания”» (1908). Статья была опубликована под псевдонимом В. Варварин в газете «Русское слово», она написана в необычной для Розанова художественно-документальной форме. В статье описаны события десятилетней давности, ставшие переломными для мировоззрения Розанова. Это знакомство с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус и два разговора о христианстве. Фактически в этой статье Розанов подробно восстанавливает этапы изменения своего мировоззрения и восприятия религии. Именно декаденты со своей неортодоксальной религиозностью, полемикой с позитивизмом и постоянными стилистическими экспериментами оказались в конечном итоге ему наиболее близкими. 1896–1897 гг. стали для Розанова временем перемены взглядов на пол, брак, семью, отношение между собой Нового и Ветхого Заветов. Цель статьи Розанова – напомнить о дискуссиях начала века. Именно поэтому Розанов выбрал форму отстраненного повествования о самом себе как одном из основных представителей нового направления религиозных поисков. В данной работе подробно анализируются как сам этот механизм саморепрезентации, так и его цели и результаты.

Ключевые слова: Василий Розанов, Дмитрий Мережковский, философия, декадентство, консерватизм, новое религиозное сознание, религиозные размышления

Для цитирования: Голубкова А.А. В.В. Розанов о Д.С. Мережковском и не только: к истории двух разговоров // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

Vassily Rosanov about Dmitry Merezhkovsky and not only him.

On the history of two conversations

Anna A. Golubkova

*Russian State Children's Library, Moscow, Russia,
anchentaube@gmail.com*

Abstract. The paper analyzes an article by Vassily Rosanov “Representatives of the ‘new religious consciousness’” (1908). The article was published under the pseudonym of V. Varvarin in the newspaper Russkoe slovo (“Russian Word”), it was written in the unusual for Rosanov form of half-fiction. The article describes the ten years ago events which became turning points for the Rosanov’s world view. Those events were the acquaintance with Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius and two conversations about Christianity. Actually, in that article Rosanov reconstructed in details stages of changing his worldview and perception of religion. Notably the decadents and their unorthodox religiosity, debates with positivism, constant stylistic experiments became to him the nearest in thoughts. In the years 1896–1897 Rosanov changed his view upon the gender, marriage, correlations between New and Old Testaments. Rosanov tries to remind in his article about the early century discussions. That is why he opted for the form of estranged narration on himself as a major representatives the new trend of religious seeking. The paper also analyzes as the very mechanism of self-representation and also its purposes and results.

Keywords: Vassily Rosanov, Dmitry Merezhkovsky, philosophy, decadence, conservatism, new religious conscience, religious thoughts

For citation: Golubkova, A.A. (2021), “Vassily Rosanov about Dmitry Merezhkovsky and not only him. On the history of two conversations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 10–19, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

В начале 1897 г. Петр Перцов познакомил Василия Розанова с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Для писателя консервативного направления, которым на тот момент являлся Розанов, последовавшие затем сближение и многолетний диалог на первый взгляд могут показаться несколько странными. Однако еще в 1889 г. Розанов написал Н.Н. Страхову: «Все мы, религиозные искатели, в сущности, еретики, т. е. ужасающе неортодоксальны»¹.

¹Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 228.

Кроме того, к этому моменту рамки русского консерватизма для Розанова были уже слишком узкими. И потому на самом деле это сближение с Мережковскими, как раз и занятыми поисками нового религиозного сознания, было вполне закономерным, хоть и не таким уж простым и однозначным. Интересно, однако, что процесс этого сближения достаточно подробно описан Розановым чуть более десяти лет спустя в статье «Представители “нового религиозного сознания”», которая была опубликована в «Русском слове» (1908. 13 сент.) под псевдонимом В. Варварин. Псевдоним тут оказался важным еще и для своеобразного отстранения рассказчика, потому что хотя половина статьи посвящена Дмитрию Мережковскому, во второй половине Розанов описывает самого себя и моменты, ключевые для изменения своих взглядов. Впрочем, свою фамилию автор все-таки не назвал, хотя знающие контекст читатели легко могли понять, о ком тут идет речь.

Как это часто бывает у Розанова², непосредственным поводом написания статьи стала публикация в журнале «Русская мысль», посвященная «проблемам старого и нового религиозного сознания»³. Однако откликается он не на саму публикацию, а на общую постановку вопроса: ему важно сформулировать, что же это такое и из чего (кого) состоит «новое религиозное сознание». У истоков направления, по мнению Розанова, находятся две фигуры – Дмитрий Мережковский и он сам. Основная объединяющая их черта, пишет Розанов в статье, – это антипозитивизм, который, впрочем, объясняется здесь влиянием образа жизни, то есть как раз скорее с позитивистской точки зрения. Этим двум представителям нового религиозного сознания, по его мнению, было легко отбросить позитивизм, потому что они «по обстоятельствам своей жизни не вынуждены были тянуть эту мировую лямку ежедневного труда, крепкую, скучную и тяжелую. Это были лица, не ведшие позитивного образа жизни, или, вернее, они никогда крепко его и не держались, а скорее чуть-чуть придерживались»⁴. Надо сказать, что ради красоты схемы Розанов несколько упрощает ситуацию и в случае Мережковского, и уж совершенно точно – в своем собственном случае. На самом деле его отношения с позитивизмом не

² В.В. Розанов очень часто полемизировал именно со статьями, публиковавшимися в журнале «Русская мысль», это подробно описывается в книге [Голубкова 2013].

³ Вероятнее всего, имеется в виду статья Н.А. Бердяева «Католический модернизм и кризис современного сознания», опубликованная в «Русской мысли» (1908. № 9).

⁴ Розанов В.В. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 355.

были однозначными. Этим философским направлением Розанов увлекся еще в гимназии. Но, несмотря на то что в дальнейшем он много времени и сил посвятил борьбе с «наследием 60–70-х годов», следы этого наследия так или иначе будут проявляться в его мировоззрении и творчестве до самых последних публикаций⁵.

Полемика с позитивизмом была начата Розановым задолго до сближения с Мережковским, еще в начале 1890-х гг. В июле 1891 г. он опубликовал цикл статей в газете «Московские ведомости», причем первые две прямо посвящены вопросу смены поколений и оценке «наследия 60–70-х годов». В первой статье «Почему мы отказываемся от “наследства 60–70-х годов”?» Розанов с удовлетворением отмечает, что идеи этого поколения уходят в небытие: «Факт, что дети, взращенные “людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой “правды”, нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно»⁶, т. е. смена мировоззренческой оптики оказывается вовсе не результатом личных обстоятельств Розанова (и Мережковского), но прямым запросом общества на определенном этапе его исторического развития.

Этот тезис расшифровывается в следующей статье «В чем главный недостаток “наследства 60–70-х годов”?»⁷. Розанов, во-первых, осуждает это поколение за всеобъемлющий рационализм, особенно в применении к устройству человеческого общества. Во-вторых, его возмущает полное отсутствие метафизики и проблем религиозного характера, ведь жизнь человека не может быть сведена исключительно к его материальным потребностям. Интересно также, что из этой ситуации, осознаваемой им как мировоззренческий тупик, Розанов видит два возможных выхода: «Или, поняв, как недостаточно просвещение предыдущего поколения, стремиться заменить его просвещением более глубоким и развитым; или, напротив, приняв

⁵ Эти отголоски позитивизма в литературной критике Розанова подробно прослежены в [Голубкова 2013]. См. главу 2 «Ценностный подход в исследовании литературной критики В.В. Розанова» и главу 3 «Этапы формирования литературной концепции В.В. Розанова».

⁶ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Литературные очерки: О писателях и писательстве. М.: Республика, 1996. С. 159.

⁷ Важность этой полемики подтверждает рассмотрение В.В. Розановым идей Михайловского в статьях 1900–1902 гг. Подробнее об этом см. [Голубкова 2013, гл. 4.5.5 «Счастливый обладатель своих способностей: Н.К. Михайловский»].

его за ряд непоколебимых выводов рассудка и, все-таки чувствуя, как выводы эти противоречат всем остальным сторонам человеческой природы, неясным и, однако же, вечным и глубоким, – довериться этим последним и насильственно ограничить свой разум»⁸. Воплощением второго пути он считает творчество Льва Толстого. В дальнейшем Розанов приходит к выводу, что идеи «60–70-х годов» были преодолены декадентами и символистами. С этой точки зрения его собственная эволюция от позитивизма к консерватизму и далее к декадентству выглядит вполне закономерной.

Однако антипозитивизм – единственное в этой статье, что объединяет Мережковского и Розанова. В остальном же, пишет Розанов, оба они пришли к новому религиозному сознанию совершенно разными путями: Мережковский – через «тоску русского человека» и «благородную грусть русского дворянина», т. е. путем отвлеченных размышлений, а сам Розанов – через практические обстоятельства своей жизни, «семейной нужды русского православного человека»⁹ (невозможность официально развестись с Аполлиной Суловой и, соответственно, дать детям свою фамилию). Далее Розанов дает развернутую характеристику Мережковскому, которая в общем и целом вполне вписывается в рамки его высказываний об этом писателе и мыслителе¹⁰. Розанов высоко ценил образованность Мережковского и широту его кругозора, а в его художественной прозе – важность затронутых тем. В этой статье Розанов, в частности, называет Мережковского типичным носителем начала русского духовного скитальчества. Отсюда и постоянные изменения в Мережковском: «Первоначально “антик” по своим античным увлечениям, позднее – ницшеанец по долголетнему увлечению личностью и идеями Ницше, и позднее, в теперешнем фазисе своих настроений, – искренний, “до обморока” христианин»¹¹.

Но собственно художественный уровень произведений Мережковского, так сказать, «плоть» текста оценивалась им довольно низко. В этой статье Розанов также упрекает Мережковского за излишнюю абстрактность и пренебрежение живой жизнью: «В литературной деятельности Д.С. Мережковского, одного из образованнейших у нас писателей, и чрезвычайно искреннего,

⁸ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 185.

⁹ Там же. С. 356.

¹⁰ Подробнее об этом см. [Голубкова 2013, гл. «Среди иноязычных: Д.С. Мережковский»].

¹¹ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 356.

есть одна большая черта: это – *слабость*, отсутствие *удара*, силы; даже отсутствие кровности, сочности жизни. Точно это артерии с вытекшею из них кровью и *пустые*. <...> Проистекает это – переходя от сравнения к действительности – от почвы исключительной *начитанности*, на которой вырос и сложился весь образ Д.С. Мережковского»¹². Интересно, что по этому признаку любви к книге и отсутствию реальных связей с жизнью Мережковский напоминает Розанову Белинского, отца утилитарного подхода к литературному произведению в русской литературе и культовой фигуры для следовавших за ним критиков позитивистской направленности. И если в идеологии оба этих автора на тот момент противоположны, то в методе, в подходе к материалу для Розанова они удивительным образом оказываются близкими. Конечно, в данном случае речь идет об интерпретации, которая с конкретными фактами может быть связана достаточно опосредованно.

Затем перед Розановым встает довольно-таки сложная задача описания самого себя как бы с точки зрения постороннего лица, отчасти сочувствующего новым религиозным идеям, но все же наблюдающего за происходящим с определенной долей отстраненности. Понятно, что в самоописании от первого лица Розанову уже в это время нет равных, а через несколько лет в «Уединенном» и «Опавших листьях» он достигнет такой вершины, которая до сих пор является непревзойденной. Но вот эта интересная задача разговора о самом себе как совершенно чужом человеку, безусловно, относится уже не столько к публицистике, сколько к художественной литературе. В одной из заметок о Льве Толстом Розанов признается, что когда-то пытался писать художественную прозу, но у него ничего не вышло. Тем не менее этот опыт явно не пропал даром и был использован, по крайней мере, в этой статье. Прежде всего важное конструктивное значение тут имеет сделанное ранее описание Дмитрия Мережковского, отталкиваясь от которого Розанов начинает выстраивать собственный образ: «Другой инициатор “нового религиозного сознания” гораздо менее образован, чем Мережковский, и менее его подвижен в идеях, даже почти неподвижен. Мысли его ползут, и даже он, по-видимому, не скучает, когда они вовсе лежат»¹³. По мнению Розанова, этот идейный союз был вполне гармоничным – если от Мережковского шли стройность, образованность и начитанность, то от него самого – сила живой жизни и тесная нерасторжимая связь с реальностью. В данном случае крайне плодотворной становится именно разница.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 357.

Однако гораздо примечательнее этой оппозиции с Мережковским оказывается попытка Розанова не просто описать себя со стороны, но еще и проследить формирование своих взглядов, т. е. несмотря на заявленную «неподвижность в идеях», Розанов наглядно демонстрирует этапы перехода от консервативной точки зрения к модернистской (декадентской), рассказывая о своем «религиозном открытии». Чтобы поддержать впечатление отстраненного повествования, Розанов опять подчеркивает дистанцию между автором статьи и ее персонажем: «Как он сам рассказывал в кружках Религиозно-философских собраний 1902–1903 гг.»¹⁴ – т. е. представляет себя как очевидца, передающего непосредственное впечатление от услышанного. Интересно, что этот прием основывается на реальном опыте, ведь Розанов никогда сам не читал своих докладов, всегда читал кто-то другой, а он слушал и наблюдал за реакцией публики. Розанов упоминает в начале статьи, что задуматься об этих вопросах его в первую очередь заставила сложная семейная ситуация. Именно тогда, видимо, он и начал размышлять о роли церкви в браке и о подлинной сути пола человека. И две очень важные беседы, о которых Розанов рассказывает в статье, повлияли на изменение его мировоззрения, как бы позволив четко сформулировать то, что раньше существовало в виде расплывчатых мыслей. Имена собеседников Розанов не указывает, называет только их вероисповедание – «лютеранин» и «православный» (автор комментария В.В. Аверьянов предполагает в них Ф.Э. Шперка и И.Ф. Романова-Рцы).

В первом эпизоде Розанов делится со своим знакомым мыслью о ноуменальной сущности пола: «Пол в нас есть вовсе не орган или функция, как говорят или даже пишут в книгах, а совсем особое и самостоятельное, *полное* существо. <...> Он не просто производит потомство, но есть родник страстей, чувствований и, наконец, многих обширнейших и важнейших идей в человеке и человечестве»¹⁵. На что собеседник Розанова указывает на полное отсутствие этого начала у Христа: «Никакая Его мысль, никакое Его слово отсюда не течет»¹⁶. Во втором разговоре заходит речь о браке и отношении церкви к зачатию и рождению детей. Розанов говорит о том, что «соединение полов не может быть грешно, по крайней мере, в благословенном церковью браке, и особенно потому не может быть, что в нем зарождается не одно тело, но и *душа* будущего младенца»¹⁷,

¹⁴ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 357.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

т. е. фактически подчеркивает религиозный смысл брака во всех его аспектах. И на это его собеседник отвечает не просто отрицанием святости физической стороны брака, а прямым утверждением ее греховности абсолютно во всех проявлениях: «Первоначально и извечно акт этот мерзок, и церковь не разрешает его, а только *прощает*; и *простить* его только одна она и может, по санкции величайшего авторитета, в ней скрытого, по своей *святости*»¹⁸. Как видим, именно эти два разговора и высказанные в них мысли лежат, по сути дела, в самой основе полемики Розанова с христианством, во всех главных претензиях к нему. Недаром позднее он много будет писать о том, что Христос принес в мир холод и смерть и что вернуть тепло, жизнь и радость можно лишь при обращении к более древним, приветствующим зачатие и рождение религиям.

А дальше статья становится еще более интересной: Розанов увлекается изложением своих взглядов на религиозное возрождение, и дистанция между автором и рассказчиком практически исчезает, так что приходится заключить текст в кавычки и представить его как бы исходящим от первого лица и всего лишь услышанным рассказчиком. Но при этом прямая речь Розанова передается во всех красочных ее подробностях, запомнить которые, конечно, без стенографирования было просто невозможно. В то же время этот прием как бы снимает ответственность с автора статьи за глобальную претензию, предъявляемую Розановым Христу за объявление рождения греховным. И выходом здесь, по его мнению, является полное религиозное обновление: «Нужно оживить землю и нужно вторично освятить ее. Что там касаться религией наружности, поверхности, образа мыслей и сплетения слов: ведь дело реальнее и глубже. <...> Вынуть зло из рождения – вот задача! Вложить сюда добро, свет, просвещение – вот продолжение задачи!»¹⁹.

И вот эти поставленные самой жизнью вопросы Розанова, по его мнению, «очень удачно связались с эллинизмом и ницшеанством» Мережковского, позволив выстроить оппозицию между древними цивилизациями с их «утвердительным полюсом по отношению к родникам жизни» и тем отрицанием жизни, которое, по мнению Розанова, привнесло в европейскую цивилизацию христианство. И таким образом кризис европейской культуры начала XX в. Розанов прямо связывает с кризисом христианства, с причинами прежде всего религиозного характера.

И завершается статья оценкой результатов, отклика на идею новой религиозности. По мнению Розанова, никакого адекватного

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 159.

отклика не было, а вся полемика просто-напросто прошла мимо русского образованного общества: «Можно сказать, что весь этот спор и вся эта тема “нового религиозного сознания” прошли совершенно незамеченными для нашего общества, печати и литературы, и по той простой причине, что, *повинуясь обрядам и числясь* в церкви, они, в сущности, улетели как бы на воздушных кораблях графа Цеппелина далеко куда-то от самого материка и этих, и всяких религиозных тем и не знают основательно ни что такое христианство, ни что такое язычество»²⁰.

Мог бы отозваться на это Владимир Соловьев, но он умер в 1900 г., за год до открытия Религиозно-философских собраний в Петербурге. Так что эта очень важная тема, считает Розанов, до сих пор ждет адекватного обсуждения. Эти слова дают возможность предположить, почему Розанов решил написать эту статью и написал ее именно в таком виде: ему было важно напомнить о новом религиозном сознании и его представителях. Вот почему он пишет так подробно о Дмитрии Мережковском и о самом себе, особенно останавливаясь на тех двух разговорах, которые стали ключевыми точками на пути изменения отношения к христианству и сближения с Мережковским и Гиппиус. Именно декаденты со своей неортодоксальной религиозностью, полемикой с позитивизмом и постоянными стилистическими экспериментами оказались в конечном итоге наиболее близкими Розанову. Сам он отмечал 1896–1897 гг. как время перелома и перемены взглядов на пол, брак, семью, отношение между собой Нового и Ветхого Заветов. В том числе с этого момента очень сильно изменилась его литературная критика. Более того, произошедший поворот имел еще и стилистические последствия: именно в этот период статьи Розанова как раз и приобретают те черты обрывочности, алогичности, интуитивного и эмоционального постижения предмета. И все общепринятые представления о Розанове как запутанном, амбивалентном, сложном писателе, который никогда сам не знает, в какую сторону его сегодня выведет текучая линия письма, основываются на трудах именно этого периода. Хотя если подробно разбирать подоплеку каждой статьи (как, например, этой), то Розанов окажется вполне логичным последовательным автором.

²⁰ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 160.

Источники

Розанов В.В. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. 558 с.

Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Литературные очерки: О писателях и писательстве. М.: Республика, 1996. 702 с.

Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 475 с.

Розанов В.В. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.) // Розанов В.В. Собрание сочинений: В 35 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2003. Т. 16. 447 с.

Литература

Голубкова 2013 – *Голубкова А.А.* Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа. Кострома: КГУ, 2013. 432 с.

References

Golubkova, A (2013), “Literaturnaya kritika V.V. Rozanova: opyt sistemnogo analiza” [Literary criticism of V.V. Rozanov. An essay of the system analysis], Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Голубкова, кандидат филологических наук, Российская государственная детская библиотека, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Калужская пл., д. 1; anchentaube@gmail.com

Information about the author

Anna A. Golubkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State Children's Library, Moscow, Russia; bld. 1, Kaluzhskaya Sq., Moscow, Russia, 119049; anchentaube@gmail.com